

то же время, дальнейшие исследования могут в корне изменить этот «первый» образ, что будет свидетельствовать о сложной организации образа города.

Доклад основывается на теоретических положениях, иллюстрирующих и основывающихся на полевых исследованиях (*опытах путешествий*) образов городов Череповец (Вологодская обл.), Олонец (Карелия), Минск, Киев, Варшава, ряда сельских населённых пунктов Южной Карелии и др.

Смоляк О.А.

Судьба как текст: импорт культурных образов как стратегия поведения

Проблема текста и его интерпретаций широко обсуждается всем спектром гуманитарных наук. Если понимать текст широко, как «связный знаковый комплекс» (в концепции М.М. Бахтина), как «непосредственную действительность» мыслей и переживаний (в концепции М.М. Бахтина), то мы имеем возможность интерпретировать в данном ключе образ человека.

Образ человека в мире, в котором фиксируется ситуация аценризма, неустойчивости, перемещения культурных контекстов национальных традиций и замещения константных ценностей плюральными аксиологиями. Переплетение различных, абсолютно равноправных мировоззренческих парадигм указывает на неспособность человека определить самостождественность своего сознания и себя как личности. Настоящую ситуацию можно прочесть как кризис идентичности.

Кризис самоопределения личности актуализирован изменением статуса знания, критикой просвещенческого проекта. Контуры «судьбы» человека приобретают иную конфигурацию. Его история о себе более не может быть положена в структуру заданной семантической рамки метарассказа. Однако в современных условиях ориентация на повествовательные стратегии остается значимой – это одна из практик раскрытия индивидуальности человеческого существования. И тогда концепция «судьбы» конструируется субъектом с помощью нескольких нарративов. Но человеческая ситуация не проясняется. Ее сложность состоит в широких возможностях выбора. Каждое событие в судьбе человека может быть выделено как отдельный рассказ. Тогда судьба в целом предстает сборником повествований, но структурирование сборника автором-составителем и порядок «чтения рассказов» тем же автором-составителем для Другого, или Другим – абсолютно произвольный. Судьба становится

фрагментарной. Человек являет Другому отдельные аспекты своей судьбы, отдельные истории, а своя судьба представляется как книга путешествий, состоящая из текстов-отрывков.

Тексты-фрагменты человеческой судьбы несут в себе смысловую нагрузку. Современный человек вынужден действовать, учитывая все обилие и многообразие информационных сообщений. Ему необходимо научиться ориентироваться в этом поле, приобрести навыки адресации своих и чтения чужих сообщений. Это умение обычно связывают с успешным образованием. Просвещение закрепило традицию наполнения образовательного процесса ретроспективной стилистикой. Освоив игровой характер семиотических практик и несколько средств выражения, у человека появляется возможность презентовать свой образ Другому.

Презентация личного образа будет удачной при максимальной визуализации знаков. Они делают текст символически насыщенным и лаконичным. Текст-фрагмент судьбы сможет состоять из множества различных видов знаков и, в ситуации полистилизма, представлять собой коллаж. Мы можем выделить опознавательные *лакмус-знаки*, которые выполняют функцию привлечения внимания другого (или других). Они могут конституировать человека к понимающему контексту, т.е. человек заявляет себя как находящийся в поиске Другого – себе подобного. Лакмус-знаки могут конституировать человека к вопрошающему, комментирующему или возражающему контекстам, т.е., человек конструирует фрагмент своей судьбы с ориентацией на разные категории публики, не обязательно с ожиданием взаимодействия с другими.

Ожидание взаимодействия с Другим раскрывается в том случае, когда текст-история включает *знак-путеводитель*. Путеводители выполняют функцию глобализации знаков и символов. По своей сути они призваны быть интернациональными. Это знаки универсальные. Они особо актуальны, когда конструируется история, включенная в контекст информационного общества и, при ожидаемом столкновении культур, исключают деление на «свою» и «чужую».

Позиционированию «своей» и «чужой» культуры способствует *знак-цитата*. Цитаты адресуются отдельным группам. Чем больше цитат включает в себя коллажное сообщение, тем шире адресное поле, культурный фон, для которого создается текст-фрагмент. Это не обязательно связано с восприятием национальной традиции, цитирование может быть направлено на актуализацию времени или ландшафта. Включение разных видов знаков в текст-фрагмент или

использование только одного из знаков является процедурой составления и определяет форму рассказа о себе

Форма рассказа о себе допускает, в ситуации плюральности повествовательных стратегий, возможности выбора, но требует соблюдение стилистики образа. Выбор формы рассказа в современной ситуации достаточно широк. Можно обратиться к образу античного атлета. Наполнить его лакмус-знаками, раскрывающими внешний облик; знаками-цитатами, показывающими принадлежность к определенной субкультуре. Тогда выбранный стиль диктует воспроизведение в повседневных практиках спортивно-праздничного чувства жизни; агональность представляет важную ценность.

Ценности и идеалы классического наследия также могут быть использованы для создания личной истории. К тому же, процедура знакомства с ними достаточно легка: все просветительские проекты воспроизводят образцы классического искусства. Появляется возможность использовать приобретенное знание о культурном наследии для конструирования собственного образа, собственной биографии. Классическая эстетика может наполнить образ, воспроизводя канон основного литературного жанра – жанра трагедии.

Обращение к канону, по которым строилась трагедия, является возможностью представить свой образ согласно образу трагического героя. Конструирование такого образа и жизненных стратегий определяется в рамках строгого ландшафта. География пространства предполагает зону внешнего удаления, покоя, отсутствия; зону кулисы, предназначенной для того, чтобы что-то скрывать; собственно сцену как место действия и внешний мир, к которому действия героя не направлены – это не трагедия. Итак, место действия героя определяется сценой и исключает уход с нее. Отсутствие героя на сцене является знаком смерти: он теряет возможность приводить в действие механизмы спектакля. Этому положению отвечает и сам образ мира в представлении героя: центростремительный. Трагический герой – лицо действия, он эгоцентричен. Примечательно, что в трагедии герой взывает к действию, но не совершает его. Действуют второстепенные лица (все остальные). Именно они приносят на сцену сведения о внешнем мире. Мир героя сведен к единственному отношению пары (или ожиданий этих отношений). Все вопросы непрерывно адресуются Другому – к Другому во всей его целостности. В то время как сам герой сосредоточен на дилеммах, но никогда не на решении собственных проблем. Мы можем говорить, что образ трагического героя – это образ закрытый. Р. Барт оценивает за-

крытость героя как страх «одновременно и очень глубокий и очень непосредственный, затрагивающий самую поверхность человеческой коммуникации: герой живет в мире знаков, он знает, что эти знаки касаются лично его, но он не уверен в этих знаках». Текст-фрагмент, сконструированный в форме классической трагедии, предполагает презентацию своего мира как патетику, как спектакль о невозможном. В то же время, окружающий мир воспринимается как мир должный, обязанный герою.

Герой классической трагедии и античный атлет – лишь два схематичных примера форм презентации личного образа, обращающих внимание на возможность восприятия истории отдельного человека как текста. Тексты-фрагменты предполагают, что Другому всегда является, презентуется только часть судьбы. Человек определяет, что Другой может знать. В рамках стратегии явления себя Другому как текста человек оставляет возможность собственного мира, закулисья. Эта стратегия направлена на конституирование себя, определение границ своей свободы. Она предполагает заявление собственной позиции, направленной на узнавание Другим. В то же время, стратегия презентации себя как текста ставит проблему умения читать Другим адресованные ему знаки.